

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 81'42.811.161.1

<http://doi.org/10.30515/0131-6141-2022-83-3-84-96>

Лингвистический анализ фрагмента повести Ф. М. Достоевского «Записки из подполья»

Елена Михайловна Виноградова

г. Москва, Россия, evinogradova@proc.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1851-8620>

Аннотация. В статье представлены результаты лингвистического анализа фрагмента повести Ф. М. Достоевского «Записки из подполья», в котором герой-рассказчик вспоминает свои школьные годы. Цель – уточнить проблематику произведения и содержание образа «подпольного человека» путем выявления закономерностей отбора и композиции языковых единиц. В процессе исследования применялись общенаучные (наблюдение, описание, сопоставление, статистический анализ), общелингвистические (структурный, контекстологический, нарративный, интертекстуальный) и собственно лингвистические (синтаксический, лексико-семантический) методы анализа. Выбранный для анализа фрагмент является ключом к пониманию психологии и идеологии героя-рассказчика и отличается присущими идиостилю Достоевского диалогичностью, парадоксальностью, эмоциональностью и экспрессивностью. Итогом анализа стал вывод о том, что черты характера, сложившиеся у героя-рассказчика в подростковом возрасте, остаются психологической доминантой его образа за границами школьной жизни. Идеология Подпольного парадоксалиста – это во многом обобщение психологического опыта человека, не преодолевшего кризисы подросткового возраста.

Ключевые слова: Ф. М. Достоевский, «Записки из подполья», анализ фрагмента в контексте целого текста, «подпольный человек», идиостиль, речевые средства выражения психологии подростка, перволичное повествование, модель говорящего, авторская позиция

Для цитирования: Виноградова Е. М. Лингвистический анализ фрагмента повести Ф. М. Достоевского «Записки из подполья» // Русский язык в школе. 2022. Т. 83, № 3. С. 84–96. <http://doi.org/10.30515/0131-6141-2021-83-3-84-96>.

ORIGINAL RESEARCH ARTICLE

A linguistic analysis of an excerpt from F. M. Dostoevsky's novella "Notes from Underground"

Elena M. Vinogradova

Moscow, Russia, evinogradova@proc.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1851-8620>

Abstract. The article presents the results of a linguistic analysis of an excerpt from the novella "Notes from Underground" by F. M. Dostoevsky. In this literary work the protagonist-narrator looks back on his school years. The paper aims to clarify the range of issues outlined in the novella and the "underground man's" image by identifying the principles of selection and composition of linguistic units. The research employed general scientific (observation, description, comparison, statistical analysis), general linguistic (structural, contextual, narrative, intertextual), and proper linguistic (syntactic, lexical-semantic) methods. The excerpt chosen for analysis is the key to understanding the psychology and ideology of the protagonist-narrator; it is characterised by dialogicity, paradoxicality, emotionalism, and expressivity which mark Dostoevsky's individual style. The performed analysis makes it possible to conclude that the character traits the hero-narrator developed in adolescence remain psychologically dominant in his personality in his after-school life. The Underground paradoxalist's Ideology is to a great extent a generalisation of the psychological experience of a person who did not overcome his teenage crises.

Keywords: F. M. Dostoevsky, "Notes from Underground", excerpt analysis in the context of the whole text, "underground man", individual style, speech means of expressing a teenager's psychology, first-person narration, speaker's model, author's stance

For citation: Vinogradova E. M. A linguistic analysis of an excerpt from F. M. Dostoevsky's novella "Notes from Underground". *Russkii yazyk v shkole = Russian language at school*. 2022;83(3):84–96. (In Russ.) <http://doi.org/10.30515/0131-6141-2022-83-3-84-96>.

...тут сорок лет подполья!
Ф. М. Достоевский

Введение. В написанной к 100-летию со дня рождения Ф. М. Достоевского статье «Преодоление самоочевидностей» Л. Шестов назвал повесть «Записки из подполья» (1864) «одним из самых замечательных произведений не только русской, но и мировой литературы» [Шестов, Электронный ресурс]. «Записки...» «питают все последующие произведения Достоевского» [Там же] и являются переходным звеном от ранней психологической прозы к идеологическим романам¹.

Мысль М. Горького о том, что эту книгу «все еще не умеют читать»², вслед за С. Г. Бочаровым подхватывает Б. Н. Тихомиров, который называет «Записки...» «одним из самых дискуссионных произведений писателя» [Тихомиров 2012: 273]. Исследователь связывает различия в понимании повести с ее сложной жанровой природой, «соединяющей в себе исповедальное и остро полемическое, публицистическое начала, каждое из которых проявляется в «Записках...» в определенном, исключительно по накалу выражении» [Там же]. Справедливо замечание, что внимание исследователей, видевших в Подпольном парадоксалисте прежде всего «слово»³, идеологическую позицию⁴, а «не характер, не социальную или психологическую фигуру», привлекала преимущественно первая, риторическая, часть повести, тогда как вторая, повествовательная, не менее

важна для понимания авторской концепции: строя двухчастную композицию⁵, «Достоевский создает совершенно уникальный, не имеющий литературных precedентов принцип соотношения, связи разнородных частей внутри также уникального жанрового единства» [Тихомиров 2012: 269–270]. Как раз вторая часть позволяет увидеть генезис психологии и идеологии Подпольного парадоксалиста, не замеченный в свое время критиком-народником Н. К. Михайловским: «Вы не видите причин его озлобленности вообще. Человек является на сцену сорокалетним мужчиной, вполне готовым, и что в его жизни так изломало его — остается <...> покрыто мраком неизвестности» [Михайловский, Электронный ресурс].

Включенное во вторую часть воспоминание героя-рассказчика о школьных годах не было объектом детального рассмотрения. Поводом для лингвистического анализа этого фрагмента послужил тот факт, что участникам ЕГЭ по русскому языку предлагается написать сочинение по одной из поставленных в тексте проблем⁶.

⁵ В письмах Достоевский называет первую часть статьей, а вторую — повестью. Жанровое обозначение «Записки...» появляется в заглавии при публикации обеих частей в 1866 г. вместе с подзаголовком «Повесть», и это жанровое обозначение закрепляется за произведением. В. Н. Захаров отмечает, что записки у Достоевского являются не жанром, а жанровой формой его рассказов, повестей, романов [Захаров 1985: 208]. Подпольный парадоксалист называет записками обе части своего монолога — исповедально-риторическую и исповедально-автобиографическую — и при этом озаглавливает их в соответствии с литературной традицией: «Подполье» и «По поводу мокрого снега».

⁶ В качестве экзаменационного материала фрагмент «Записок...» от слов *В эту ночь снились мне безобразнейшие сны до слов* *Первым делом моим по выходе из школы было оставить ту специальную службу, к которой я предназначался, чтобы все нити порвать, проклясть прошлое и прахом его посыпать...* опубликован в пособии: ЕГЭ. Русский язык: типовые экзаменационные варианты: 36 вариантов / под ред. И. П. Цыбулько. М.: Национальное образование, 2021. С. 78–79. Автор текста указан, название — нет. Фрагмент представляет собой один абзац, включающий 36 предложений. Из авторского текста исключены прилагательное в предложении *Я испугал его моей страстной дружбой* и последнее

¹ Обширную библиографию и обзоры критических работ, посвященных этому произведению, см.: [Созина 2008; Кондрыкина 2015; Касаткина 2016].

² Цит. по: *Достоевский Ф. М.* Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 5. Л.: Наука, 1973. С. 383.

³ По мнению М. М. Бахтина, Достоевский «строит не характер, не тип, не темперамент, вообще не объектный образ героя, а именно слово героя о себе самом и своем мире» [Бахтин 1979: 61]. Спорно и утверждение Бахтина, что автор «действительно оставляет за своим героем последнее слово» [Там же], поскольку именно автор обрывает продолжающиеся в художественном мире записки героя, превращая его тем самым в заверченный для читателя образ.

⁴ С. А. Никольский называет героя «Записок...» «традиционным героем-идеологом» и рассматривает его только с такой позиции [Никольский 2012: 80].

Тему отношений подростка с одноклассниками современные школьники достаточно адекватно соотносят с жизненным опытом, в том числе с явлением буллинга. Но, читая лишь фрагмент повести, участники ЕГЭ не знают, что в широком контексте повести безымянный герой-рассказчик сам себя называет *подпольным* человеком и *антигероем*, а автор именует его *парадоксалистом*, поэтому современные школьники не всегда точно понимают проблематику текста и нередко видят в герое исключительно жертву агрессивного отношения сверстников-подростков.

Методологической основой предлагаемого лингвистического анализа служит концепция идиостиля и его моделей (нарративной, лексической, синтаксической и интертекстуальной), представленная в статье А. Н. Баранова, Д. О. Добровольского, Н. А. Фатеевой «Идиостиль Ф. М. Достоевского: направления изучения» [Баранов, Добровольский, Фатеева 2021: 374–376]. Идиостиль понимается как система предпочтений в отборе речевых практик и комбинаторике языковых единиц, обусловленных концептуальными установками автора (уникального носителя языка). В. И. Тюпа полагает, что корректный научный результат в понимании произведения в целом может быть получен и при анализе его фрагмента, если «глобальный архитектурный принцип художественного целого» будет «обнаружен на относительно самостоятельном, обоснованно выделенном участке текста» [Тюпа 2008: 129].

Анализ. В скупом упоминании о детстве и в рассказе об отношениях со сверстниками-подростками видны истоки психологии Подпольного парадоксалиста, его недоверчивости, замкнутости, противоречивости поведения⁷. Сиротское детство героя

предложение абзаца: *И черт знает зачем после того я потащился к этому Симонову!..* Отсутствие заключительной фразы меняет коннотацию в восприятии перспектив жизни героя по окончании школы (*Первым делом моим по выходе из школы было <...> все нити порвать...*): оптимистичный прогноз вместо обреченности, на что намекало исключенное предложение. Впрочем, внимательно читающему школьнику финальное многоточие говорит о многом.

⁷ Касаткина К. В. Тип «подпольного человека» в русской литературе XIX — первой трети XX в.: дис. ... канд. филол. наук. М., 2016. С. 165.

и отроческие годы во враждебной среде «сложили особый характер: униженность в нем обернулась гордостью, зависимость — высокомерием, бесправность — властью, заурядность — стремлением к исключительности, бедность — презрением к бедности» [Дилакторская 1999: 270]. Этот период его жизни повлиял на формирование «подполья» [Криницын 2001: 24].

Безымянность героя-рассказчика в анализируемом фрагменте и в повести в целом соответствует художественной задаче представить самосознающее сознание, которое обозначено только эгоцентрически — местоимением «я». Такое построение текста мешает читателю разделить «я» автора и «я» героя-рассказчика, поэтому в сочинениях учащихся возникает путаница с обозначением субъекта речи. Первоначальное повествование характерно для многих произведений Достоевского. Исходя из отношения субъекта речи к ее объекту, Е. А. Иванчикова выделяет два типа повествовательных структур — «исповедальный» и «мемуарный» [Иванчикова, Электронный ресурс]. «Записки...» можно отнести к первому типу: герой сам говорит о себе. К некоторым из таких произведений Достоевский намеренно дает пояснения, подчеркивающие нарративную самостоятельность изображаемого субъекта речи. В примечании к «Запискам...» автор, оставаясь в пространстве художественного мира (как неотъемлемый от него образ автора), но называя себя биографическим именем «Федор Достоевский» (и тем самым предельно усложняя повествовательную структуру), заявляет, что *и автор записок и самые «Записки», разумеется, вымышлены*⁸ и что в них *это лицо рекомендует самого себя, свой взгляд*. При этом он отделяет свою художественную задачу от тех задач, которые ставит перед собой герой. Задачи героя — исповедальные, публицистические и «психотерапевтические»; задача автора — обобщающе-изобразительная: *Я хотел вывести <...> один из характеров протекшего недавнего времени; в изображенном герое ему видится один из представителей еще доживающего поколения*. Понятие *автор*, таким образом, соотносится с тремя разными

⁸ Здесь и далее текст цит. по: Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 5. Л.: Наука, 1973. 407 с.

ипостасями: автором произведения, образом автора (комментатора и публикатора) и персонажем-нарратором (как изображенным автором записок). Авторская позиция проявляется в выборе нарративной модели (жанровой формы, образов субъекта и адресата речи), в характере паратекстовых элементов (заголовка, который как бы подхватывает слово героя, и примечаний «от автора»), в отборе фактуальной информации и ее композиции, в выборе средств прямого и косвенного самораскрытия героя-рассказчика через содержание и форму его речи.

Анализируемый фрагмент связан в концептуальном, фабульном и речевом аспектах с обеими частями «Записок...». Для второй части повествователь выбирает те события своей жизни, которые преследуют его как *мокрый снег*, как неотвязный мотив. В этой части герою-рассказчику 40 лет, а вспоминает он себя подростком и молодым человеком 24 лет. Последний эпизод этого воспоминания (герою 24 года) — встреча и разрыв с юной проституткой Лизой. О том, чем были наполнены следующие 16 лет его жизни, мы почти ничего не знаем (*служил*). До решения писать записки он будто бы пребывает в «подполье»⁹. Воспоминание о школьной жизни включено в рассказ о встрече 24-летнего героя с одноклассниками. Драматические обстоятельства встречи заставляют его вернуться в воспоминаниях в свое 16-летие¹⁰ и как бы заново стать подростком. Становясь частью актуальной эмоциональной жизни, 16-летие перестает быть прошлым. В финале

⁹ Временные границы «подполья» противоречивы: это и часть жизни героя, и весь его жизненный путь ко времени создания записок: *...тут сорок лет подполья!*

¹⁰ Во фрагменте есть знаки временной динамики школьного периода (глаголы совершенного вида, наречия *уже* и *раз как-то*, словоформа *под конец*), но дважды употребленное указание на возраст (*еще в шестнадцать лет; в шестнадцать лет уже*) становится условным обозначением всего подросткового периода. Мотив «16 лет» акцентирует тему подростка как объекта речи и в то же время, выходя за рамки возрастной характеристики, становится метафорической характеристикой внутреннего мира героя-рассказчика не только в 16, но и в 24 года и в 40 лет.

повести герой-рассказчик повести заявляет: *Но довольно; не хочу я больше писать «из Подполья»*¹¹. Эта фраза снова возвращает нас к фрагменту о школьных годах, где говорится, что у героя было намерение *по выходе из школы* взять судьбу в свои руки.

Годы школьной жизни герой-рассказчик называет *каторжными*¹². Это слово обладает двойной референцией. С точки зрения героя-рассказчика — это метафорический эпитет с экспрессивной отрицательной оценкой; в контексте жизни и творчества Достоевского — отсылка к биографии писателя и к написанному после каторги роману «Записки из Мертвого дома» (1862). В этом романе герой-повествователь, думая о побеге с каторги, выражает ту же душевную потребность, что и герой «Записок из подполья» (причем в обоих дискурсах использованы одинаковые риторические приемы — анафора, синтаксический параллелизм, градация): *Я думал, я решил, я клялся себе, что уже не будет в моей будущей жизни тех ошибок, ни тех падений, которые были прежде. <...> Я ждал, я звал поскорее свободу, я хотел испробовать себя вновь на новой борьбе...*¹³

Метафора каторги¹⁴, характеризующая период инициации в жизни героя-подростка, соединяется с метафорой дикой, «зверинной» среды: *дико на все озиравшимся* вспоминает себя герой-рассказчик, когда впервые попал в школу — *дико и насмешливо* смотрят

¹¹ Перифрастический характер этой фразы препятствует ее однозначному пониманию: она выражает желание прекратить роль «литератора» или потребность выйти из «подполья»? Комментирующее замечание от автора отвечает первому пониманию, оставляя за читателем право самостоятельно судить о перспективах выхода героя из подполья: *Впрочем, здесь еще не кончаются «записки» этого парадоксалиста. Он не выдержал и продолжал далее. Но нам тоже кажется, что здесь можно и остановиться.*

¹² В другом фрагменте дискурса оценка выражена еще более экспрессивно: *Проклятие на эту школу, на эти ужасные каторжные годы!*

¹³ Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 4. Л.: Наука, 1972. С. 220.

¹⁴ Каторга, подполье, угол, комната-шкаф и т. п. — в творчестве Достоевского можно выделить ряд образных синонимов со значением замкнутого (физически и духовно) пространства.

на него школьные товарищи. В этой среде господствует бесчеловечное отношение друг к другу — взаимная ненависть. Парадоксальность среды в том, что сами жертвы являются ее составляющей (примечательно, что учителя в нее не включены): *Сколько прекрасных собой детей поступало к нам*¹⁵. *Через несколько лет на них и глядеть становилось противно*¹⁶. К нам в этой фразе включает и героя-рассказчика, и мучивших его школьных товарищей, но и выражение *прекрасные дети* соотносится с обоими фабульными антонимами.

Повествование строится ретроспективно и представляет собой воспоминание о воспоминании (*весь вечер давили меня воспоминания*) — план прошлого расслаивается. Неопределенно-референтные для читателя выражения *в эту ночь* и *весь вечер* обладают определенной референцией в контексте целого. Воспоминания о *каторжных годах* мотивированы встречей с одноклассниками и в свою очередь объясняют *безобразнейшие сны* накануне продолжения встречи. Событие жизни героя-рассказчика сохраняется в его памяти эмоционально окрашенным и переходит в неконтролируемую болезненную область бессознательного.

Речь нарратора отличается высокой эмоциональностью и экспрессивностью, что больше свойственно не 40-летнему, а 16-летнему человеку. Фактуальную информацию отрывка составляют не столько события, сколько отношения друг к другу, моральная и эмоциональная сферы. Концептуальная информация доминирует над фактуальной: герой-рассказчик не просто вспоминает свое психическое состояние, вызвавшие его и вызванные им факты,

¹⁵ Местоимение *мы* обозначает множество, в которое входит и я героя-рассказчика, и они, обозначающее враждебно относящихся к нему сверстников. Повествователь не замечает сходства своей судьбы с судьбой других детей, парадоксального двойничества с теми, кого считает врагами.

¹⁶ Ср. похожий фрагмент в «Записках из Мертвого дома»: *И сколько в этих стенах погребено напрасно молодости, сколько великих сил погубило здесь даром! ...ведь этот народ необыкновенный был...* (Достоевский Ф. М. Указ. соч. Т. 4. С. 231). Здесь, по мнению Е. А. Иванчиковой, через слово персонажа прорывается риторический голос автора [Иванчикова 2001].

но переживает их снова, интерпретирует и оценивает со значительной временной дистанции, создавая личностно значимую и при этом обобщенную картину школьной жизни: *В нашей школе выражения лиц как-то глупели и перерождались; Сколько прекрасных собой детей поступало к нам; Я <...> был их же хуже; ...с летами развивалась потребность в людях, в друзьях и др.*

Эмоциональное поле фрагмента представлено преимущественно лексикой со значением негативной оценки¹⁷: *безобразнейшие сны; о каторжных годах моей школьной жизни; злыми и безжалостными насмешками; дешево уживаться; в пугливую, уязвленную и непомерную гордость; цинически смеялись; над мешковатой фигурой; глупые лица; глупели; мелочь мышления; до тошноты казенными выражениями; развратны до уродливости и др.* Эта лексика тематически делится на две группы: 1) агрессивное отношение к ребенку со стороны окружающих — взрослых и сверстников (*сунули в эту школу, попреками, встретили злыми и безжалостными насмешками, цинически смеялись*¹⁸, *дико и насмешливо, грубость, ненавидели*¹⁹, *не скрывали омерзения, жесто-*

¹⁷ На этом фоне особенно заметны языковые единицы со значением сочувствия — самому себе (*сиротливого*) и всему несправедливо обиженному (*над всем, что было справедливо, но унижено и забито*) — и положительной оценки (*прекрасных собой детей, наивная и отдающаяся душа, самое редкое исключение*).

¹⁸ Слова с корнем *-смеж-* (*-смех-*, *-смеш-*) входят в число наиболее частотных (8 употреблений). Насмешки подросток воспринимает очень болезненно, и желание прекратить их является очевидным мотивом его поведения. Однокоренные слова, пронизывая фрагмент, выполняют текстообразующую функцию; дистантный словообразовательный повтор выражает историю насмешек над героем-рассказчиком: *встретили насмешками — я не мог насмешек переносить — цинически смеялись над моим лицом, над моей фигурой, над всем жестоко и позорно смеялись — чтобы избавить себя от их насмешек... — дико и насмешливо смотрели, но нравственно подчинялись — насмешки прекратились, но осталась неприязнь.*

¹⁹ Группа однокоренных слов к глаголу *ненавидеть* и синонимичные перифрастические выражения образуют еще один текстовый рефрен, выстроенный градационно и показывающий, как из объекта чужой злобы герой-рассказчик

косердно, неограниченно властвовать над душой, потребовал, испугал, доводил до слез, до судорог, оттолкнул и др.); 2) реакция на агрессию (забитого, дико озиравшегося, глупели и перерождались, унижено и забито, заключился в пугливую, уязвленную и непомерную гордость, оскорбленное тщеславие, возненавидел, возмущало и др.).

Текст отрывка поражает обилием и разнообразием **экспрессивных элементов**: разговорная лексика: *сунули, помаленьку, фантастически глупо, о каторжных годах, дешево уживаться*; лексика со значением интенсивного и даже предельного действия: *клянусь, жаждал, изумляли, поражающими*; словосочетания с интенсификаторами (в том числе метафорическими): *особенно глупели, фантастически глупо, развратны до уродливости; казенными до тошноты; доводил до слез, до судорог; самую очевидную, режущую глаза действительность; ненавидел ужасно; суффикс субъективной оценки (безобразнейшие); грамматически правильная (самое редкое) и окказиональная (самых первых) формы превосходной степени; градация (уже забитого их попреками, уже задумывающегося и дико на все озиравшегося; я хотел неограниченно властвовать над его душой; я хотел вселить в него презрение к окружавшей его среде; я потребовал от него высокомерного и окончательного разрыва с этой средой); контактные*

переходит в субъектную (сначала защитную, а потом агрессивную) позицию ответной ненависти, порождая новый уровень ответной реакции и распространяя ненависть даже на того, кто мог стать его другом: *я не мог насмешек переносить, я возненавидел их тотчас — я ненавидел их ужасно — они мне тем же платили и не скрывали своего омерзения — я уже не желал их любви; напротив, я постоянно жаждал их унижения — а) установились холодные, натянутые отношения; б) был у меня как-то и друг — я испугал его моей дружбой, хотел вселить в него презрение к окружавшей его среде; когда он признал мое первенство, я тотчас его возненавидел и оттолкнул*. История ненависти не имеет такого однолинейного характера, как история насмешек. Автор, отбирающий и комбинирующий фактуальную информацию, как бы открывает своему герою возможность разрушить логику тотальной взаимной ненависти, но тот (и подростком, и взрослым) не сумел противопоставить вражде — приязнь (дружбу и любовь). Повзрослевший герой будет ненавидеть и себя, и окружающих.

и дистантные лексические повторы (усилительные, уточняющие, перифразистические) — в том числе в сочетании с синтаксическим параллелизмом (*сунули в эту школу мои дальние родственники <...> сунули сиротливого...; ничего они не понимали, никакой действительной жизни; я не мог насмешек переносить, не мог так дешево уживаться*); риторические восклицания: *...какие глупые у них самих были лица!*²⁰; *Сколько прекрасных детей поступало к нам*; инверсия: *...я не мог насмешек переносить*; *Грубость их меня возмутила; Не оскорбленное тщеславие подбивало меня к тому и др.*

Эгоцентрический характер нарративной модели подчеркнут активным использованием личного и притяжательного местоимений 1-го лица ед. числа (47 употреблений), причем, как и в примере из романа «Записки из Мертвого дома», местоимение *я* употребляется даже в тех синтаксических позициях, где оно грамматически избыточно, например: *Но я* (здесь и далее выделение в цитатах наше. — Е. В.) *уже не желал их любви; напротив, я постоянно жаждал их унижения; Но я уже был деспот в душе; я хотел неограниченно властвовать над его душой; я хотел вселить в него презрение к окружавшей его среде; я потребовал от него высокомерного и окончательного разрыва с этой средой*. Ср. начало повести:

Я человек больной... Я злой человек. Неприятельный я человек. Я думаю, что у меня болит печень. Впрочем, я ни шиша не смыслю в моей болезни и не знаю наверно, что у меня болит. Я не лечусь и никогда не лечился, хотя медицину и докторов уважаю. К тому же я еще и суверен до крайности.

Диффузия временных пластов в нарративной модели фрагмента имеет прямое лексическое выражение: *уже, уж и тогда* и еще: *уже забитого их попреками, уже задумывающегося, молчаливого и дико на все озиравшегося; уже тогда привыкли поклоняться одному успеху; в шестнадцать лет уже толковали о теплых местечках; меня уж и тогда изумляли мелочь их мышления, глупость их занятий, игр, разговоров; я только мечтал, а они уж и тогда действительную жизнь*

²⁰ Удивительно, но во всем эмоционально насыщенном фрагменте это единственное предложение с восклицательным знаком.

понимали²¹; *еще*²² в шестнадцать лет я угрюмо на них дивился; я *уже* читал такие книги, которых они не могли читать, и понимал такие вещи (не входившие в состав нашего специального курса), о которых они и не слыхивали. Кроме того, наречие *уже* является маркером динамики в образе героя: я *уже* не желал их любви; напротив, я постоянно жаждал их унижения; я *уже* был деспот в душе.

Собирательный негативный морально-психологический портрет школьных товарищей играет роль отрицательного полюса, которому в качестве положительного, казалось бы, противопоставит портрет самого героя-рассказчика. Однако, во-первых, его самооценка противоречива²³ (я стал считать их ниже себя — пожалуй, был их же хуже), а во-вторых, как это ни парадоксально, взаимная вражда делает антагонистов двойниками.

Парадоксальность как общая черта идиостиля Достоевского раскрывается в «Записках...» особенно ярко, потому что

²¹ На самом деле, как раз *не понимали* — нарратор, передающий суждение воображаемого адресата речи, с которым спорит.

²² В контексте с реляционной точкой отсчета на оси времени «еще» стало синонимом «уже». *Еще* — знак раннего взросления героя, который уже в подростковом возрасте считал себя внутренне старше своих лет: понимал *такие необходимые вещи, интересовался такими внушительными, поражающими предметами*, понимал *такие вещи (не входившие в состав нашего специального курса), читал такие книги...* Подчеркнем синтаксическую однотипность этих перифрастических конструкций: герой не называет явления прямо, а только указывает на их значительность, видя в них основание для чувства интеллектуального превосходства (по отношению к товарищам повторяются лексемы с корнем -глуп-: *глупые лица, глупели, глупо, глупость*). Однако за границами школьной жизни эти факторы перестают работать: бывшие однокашники с открытой насмешкой смотрят на умника.

²³ Если герой-подросток не видел парадоксальности оценки себя в отношении к другим, то 40-летний нарратор осознает в себе эту противоречивость (*Я чувствовал, что они так и кишат во мне, эти противоположные элементы*), но он запутывается в противоречиях и сам себя определить не может. Говоря о себе: *Я злой человек*, он затем эту характеристику отменяет (*Со злости наврал*), а потом утверждает: *Я не только злым, но даже и ничем не сумел сделаться*.

связана здесь с типом героя-парадоксалиста. Его картина мира строится на бинарных оппозициях, за границы которых он не может вырваться. Еще подростком, подчинившись воле *дальних родственников* и переживая унижение от *злых и безжалостных насмешек школьных товарищей*, он признается, что подростком *уже был деспот в душе*, добивается демонстративного превосходства над ними (его поведение внушило сверстникам *некоторое почтение*, и они, продолжая смотреть на героя *дико и насмешливо*, все же *нравственно подчинились*). Но главное — он хочет установить власть над другом — показательно лексика с семантикой насильственного воздействия (*хотел неограниченно властвовать над его душой; хотел вселить; я потребовал; испугал его; доводил до слез, до судорог; для одержания над ним победы; оттолкнул*). Понимая, что отношение сверстников к нему вызвано тем, что он *ни на кого из них не был похож*, и ценя в друге то, что тот *тоже ни на одного из них не был похож*, герой пытается сделать друга копией себя — и отталкивает его, когда тот, в сущности, отказывается от собственного я (*признал мое первенство*). Осуждая в других развратность и циничность, за границами школы он станет развратным в поступках и циничным в суждениях (*Цинизм, цинизм моих слов придавил ее...* — так он характеризует свое обращение с Лизой). Будучи *сиротой*, лишенным любви родителей и родственников, и бессознательно испытывая потребность в любви, он отталкивает тех, кто готов предложить ему дружбу и любовь. Не признавая в качестве авторитета ни сверстников, ни того дурного примера, под влиянием которых утверждались жизненные принципы его *товарищей*, он на самом деле нуждается в авторитете — показательно употребление союза *тем более что* (со значением веской дополнительной причины) и усиленной частицы *даже*: *...тем более что даже учителя обращали на меня внимание по этому поводу*. Обвиняя своих 16-летних товарищей в непонимании *действительной жизни (режущую глаза действительность они принимали фантастически глупо)*, он сам видит эту жизнь эгоцентрически и однобоко. В его картине мира только два варианта — деспот и жертва. Не желая быть жертвой, он становится деспотом, но в его случае это и есть парадоксальная форма защитной реакции на

унижение. Третьего варианта он не хочет и пока не может допустить (и в этом Подпольный парадоксалист превосходит Раскольникова). В первой части «Записок...» ставший взрослым герой-рассказчик превращает ответное зло в принцип: *Меня унизили, так и я хотел унижить; меня в тряпку растерли, так и я власть захотел показать...*

Не осознаваемая подростком потребность в любви, в 40-летнем герое в редкие минуты будет звучать чистым голосом. Но, сиротой попав к дальним родственникам, от которых он *зависел* и которые его не любили, герой не получил опыта жизни, построенной на любви, поэтому он с самого начала закрывается от других. Этим он трагически отличается от друга, которому мучительно было испытывать презрение к сверстникам, относиться к ним *высокомерно* и *окончательно разорвать* с ними. Этот друг *составлял самое редкое исключение* — не хотел быть ни жертвой, ни тираном, хотя ради дружбы был готов признать *первенство* другого. Ключевым словом в его характеристике является выражение *отдающаяся душа*. Называя его так, герой-рассказчик невольно указывает на третий тип людей (способных к добровольной отдаче себя, готовых к дружбе и к любви дарящей, а не берущей). К такому типу относится и Лиза, с которой жизнь сведет героя в 24 года. В шкатулке (эквивалент и антитеза «подполью») она хранит сокровище — письмо влюбленного в нее студента, которое она достанет, чтобы доверчиво показать Подпольному парадоксалисту, после чего он грубо и жестоко ее оттолкнет. Детская открытость и искренность есть и в друге-подростке (*наивная... душа*), и в Лизе. А герой-рассказчик боится враждебной среды, не верит людям и закрывается от них. В «подполье» героя-рассказчика «остаток чувства», говоря словами Лермонтова, превращается в *зарытый скупостью, но бесполезный клад*. Боясь признаться в заветном, Подпольный парадоксалист рассказывает о своей мечте войти в мир людей иронически; любовь в этой картине гротескно соединяется с *непомерным тщеславием* (и он сам это понимает):

Но сколько любви, господи, сколько любви переживал я, бывало, в этих мечтах моих... <...> до того было ее много, этой любви, что потом,

на деле, уж и потребности даже не ощущалось ее прилагать... <...> Я, например, над всеми торжествую; все, разумеется, во прахе и принуждены добровольно признать все мои совершенства, а я всех их прощаю. Я влюбляюсь, будучи знаменитым поэтом и камергером; получаю несметные миллионы и тотчас же жертвую их на род человеческий и тут же исповедываюсь перед всем народом в моих позорах, которые, разумеется, не просто позоры, а заключают в себе чрезвычайно много «прекрасного и высокого», чего-то манфредовского. Все плачут и целуют меня (иначе что же бы они были за болваны), а я иду босой и голодный проповедовать новые идеи и разбиваю ретроградов под Аустерлицем.

Этот монолог показателен прежде всего тем, что в нем повторяются ключевые слова и стиливые приемы анализируемого отрывка. Обратим внимание и на другие примеры дистантных лексических и мотивных повторов, подчеркивающих константы мироощущения героя-рассказчика в 16 лет, в 24 года и в 40-летнем возрасте, которые определяют смысловое единство повести:

1) В то время мне было всего двадцать четыре года. Жизнь моя была *уж и тогда урюмая*, беспорядочная и *до одичалости одинокая*. Я ни с кем не водился и даже *избегал говорить* и *все более и более забивался в свой угол*. В должности, в канцелярии, я даже старался не глядеть ни на кого, и я очень хорошо замечал, что сослуживцы мои <...> *будто бы смотрели на меня с каким-то омерзением*;

2) ...Я сам вследствие *неограниченного* моего *тщеславия*, а стало быть, и требовательности к самому себе, *глядел на себя весьма часто с бесшным недовольством*, доходящим *до омерзения*, а оттого, мысленно, и *приписывал мой взгляд каждому*. Я, например, *ненавидел свое лицо, находил, что оно гнусно...*

3) Струсил я тут не из трусости, а из *безграничайшего тщеславия*;

4) Всех наших канцелярских я, *разумеется, ненавидел*, с первого до последнего, и всех *презирал*, а вместе с тем как будто их и боялся. Случалось, что я *вдруг даже ставил их выше себя*. У меня как-то это вдруг тогда делалось: *то презираю, то ставлю выше себя*. Мучило меня тогда еще одно обстоятельство: именно то, что на меня никто не похож и я ни на кого не похож;

5) ...В самом сильнейшем пароксизме трусливой лихорадки мне мечталось *одержатъ верх*, победить, увлечь, *заставить их полюбить себя* — ну хоть «за *возвышенность мыслей* и несомненное *остроумие*»...

Образ **адресата** монолога Подпольного парадоксалиста создается прежде всего в первой части произведения, но сохраняет свою актуальность и в повествовательной части, в том числе в анализируемом фрагменте, хотя и в меньшей степени. Воображаемый адресат — это в значительной мере другое «я» героя, следствие его внутреннего раскола. Подробно рассмотренная М. М. Бахтиным [Бахтин 1979] и многократно подтвержденная другими исследователями (см., например: [Баранов, Добровольский, Фатеева 2021]) **диалогичность** в идиостиле Достоевского (выражающаяся, в частности, в том, что слово героя строится с постоянной оглядкой на «чужого»²⁴) в полной мере характерна и для «Записок...». В отрывке о школьных годах сигналом оглядки субъекта речи на чужую точку зрения (или спора с самим собой, что в данном случае одно и то же) являются предложения с вводными словами (*Конечно, много тут было от глупости...; Разумеется, и тут было больше внешности, больше напускной инициности; разумеется, юность и некоторая свежесть мелькали и в них даже из-за разврата*). Но *конечно* и *разумеется* говорят о смягчении конфронтации с адресатом: герой-рассказчик готов согласиться с возражением адресата, хотя и не в полной мере (за *разумеется* следует новое возражение: *но непривлекательна была в них даже и свежесть*). Реакцией на чужую точку зрения является и вводное слово *клянусь* (*клянусь, это-то и возмущало меня в них наиболее*): повествователь экспрессивно реагирует на возможное сомнение в его искренности.

В прямом обращении к адресату-оппоненту, с точки зрения которого и как бы чужими словами говорящий называет мотивы своего поведения (*Не оскорбленное тщеславие подбивало меня к тому, и, ради бога, не влезайте ко мне с привешимися до тошноты казенными возражениями...*), сохраняется полемическая нарративная установка первой части. Для нарратора выражения *заклучился от всех в пугливую, уязвленную и непомерную гордость* и *оскорбленное тщеславие подбивало меня к тому* — это обозначение одного и того же явления с противоположных

точек зрения²⁵. Парадокс самооценки выражен лексически: языковые синонимы актуализируют дифференциальные компоненты семантики и становятся контекстуальными антонимами. В других фрагментах дискурса Подпольный парадоксалист сам называет свою гордость *тщеславием* (см. примеры выше), вкладывая в это слово то положительную, то отрицательную оценку. Гордость заставила его *как можно лучше учиться* и *пробиться в число самых первых*, чтобы добиться нравственного превосходства; гордыню/гордость он старается вызвать и в другом человеке: требует от друга *высокомерного* разрыва с окружающей средой, в Лизе пытается пробудить чувство собственного достоинства. При этом он сознательно унижает ее и старается установить свою власть над ней, но реакция Лизы — сострадание и любовь — оказывается для него неожиданной. Однако новые оскорбления заставляют ее гордо уйти. По своему опыту Подпольный парадоксалист убежден, что оскорбление — *это очищение; это самое едкое и болезненное сознание*, что оно теперь никогда не исчезнет из души Лизы, *возвысит и очистит ее... ненавистью...* Но привычка мыслить парадоксами вдруг приводит 40-летнего героя-рассказчика, вспоминающего свою молодость, к чисто теоретическому (пусть даже невозможному для него самого в качестве выхода) допущению, что гордыня и ненависть в его картине мира могут быть заменены антонимом: *...гм... может, и прощением...*

Во фрагменте преобладают выраженные разными языковыми средствами **причинно-следственные и противительные связи**, комбинируемые в рамках одного предложения или одного сложного синтаксического целого. Логичности, закономерной связи постоянно сопутствует противоречие, несоответствие, маркерами которых служат языковые и контекстуальные антонимы, союзы *но* (10 употреблений), *а, между тем, хотя* и вводное слово *напротив*.

В сильных текстовых позициях фабульной рамки употреблены антонимичные предлоги (*сунули в эту школу — по выходе из школы...*). Антитеза усилена содержащими противоположные компоненты семантики

²⁴ Герой «Записок...» «не смотрит в глаза другому, не выдерживает чужих взглядов» [Дегтева 2019: 322].

²⁵ Первое выражение обозначает оборонительную позицию (*заклучился*), второе — агрессивную (*подбивало к...*).

лексемами *сунули* и *выход*. Показательна и синтаксическая противопоставленность обрамляющих фраз: в первой «я» употреблено в роли дополнения в пассивной позиции объекта действий дальних родственников (*меня сунули; забитого²⁶ их попреками*); по отношению же к действию *выходить* герой-рассказчик является субъектом²⁷. Выход из школы и планируемые действия персонажа ставят «я» героя-рассказчика в позицию агенса: *оставить (специальную службу), все нити порвать*. Залоговое значение сказуемого в придаточной части последнего предложения (...*к которой я предназначался*...) контрастно подчеркивает эту предполагаемую активную роль в собственной судьбе. В первой половине фрагмента чередуются синтаксические конструкции, в которых «я» выступает в функции грамматического объекта (*давили **меня** воспоминания; товарищи встретили **меня**; грубость их **меня** возмутила; **меня** уж тогда изумляли...*), и конструкции, в которых «я» является грамматическим субъектом (*я не мог насмешек переносить; я не мог так дешево уживаться; я угрюмо на них дивился*). Во второй половине фрагмента конструкции с «я» в роли подлежащего явно преобладают (*я ненавижу; я уже не желал; я постоянно жаждал; я нарочно начал как можно лучше учиться; я уже читал; я сам не выдержал; Я попробовал было начать сблизиться*). Из пассивной позиции по отношению к миру герой переходит в активную, что соответствует росту его самосознания.

Маркерами ненормальности человеческих связей служат словосочетания, смысловая парадоксальность («оксюморонность») которых обнаруживается при обращении к периферийным и ассоциативным компонентам лексической семантики: *дальние родственники* (антитеза отчуждения и близости), *испугал дружбой* (антитеза симпатии и враждебности).

²⁶ Антитезой страдательному причастию *забитого* в той же фразе служат действительные причастия, говорящие о пробуждающейся самостоятельности героя: *уже задумывающегося, дико на все озиравшегося*.

²⁷ Устранение агенса из субъектной позиции, передающее «идею неуправляемости действия и подчиненность агенса внешней силе» также является характерной чертой идиостилия Достоевского на синтаксическом уровне [Баранов, Добровольский, Фатеева 2021: 380].

Центральная коллизия «Записок...» («я—другие») выражена контекстуальной антонимией «я» и «они» (значимы оппозиции в категориях лица и числа²⁸). Множеству «они» соответствует во фрагменте номинатив *товарищи*. Языковые синонимы *товарищ* и *друг* в данном контексте превращаются в контекстуальные антонимы. Первое слово употреблено один раз, причем в форме множественного числа (далее собирательное враждебное множество обозначается только местоимением), а второе использовано в обеих формах: множественное число — в контексте модальности необходимости/желательности (*потребность в людях, в друзьях*), единственное число — в контексте реальной модальности (*был у меня как-то раз и друг*). Уникальность друга (*самое редкое исключение*) обозначена с помощью лексического плеоназма, усиленного формой превосходной степени определения, и соответствует однократности ситуации (*как-то раз*).

Лексические единицы, входящие в тематическое поле «Психология подростков», выражают картину, хорошо знакомую и современным школьникам: *насмешки; грубость; мелочь мышления; глупость занятий, игр, разговоров; непомерная гордость; оскорбленное тщеславие, (моральная) уродливость; напускная циничность; юность; свежесть; разврат; ерничество* и др. Добавим к этому тематические перифразы: *действительность... принимали фантастически глупо; привыкли поклоняться одному успеху; над всем, что было справедливо, но унижено и забито... жестоко-сердно и позорно смеялись; чин почитали за ум; в шестнадцать лет уже толковали о теплых местечках; дико и насмешливо смотрели* (на тех, кто читал книги и понимал вещи, не входившие в школьный курс), *но нравственно подчинялись* (таким сверстникам). Осмысление этого опыта определило идейную позицию героя по отношению к миру. Изначально конфликт с окружающей средой носил чисто психологический характер: встретили *злыми и безжалостными насмешками* — ответом стали тревожность, замкнутость, неустойчивая самооценка и враждебность. Но

²⁸ Повзрослевший герой-рассказчик расширяет множество «они», включив в него сначала сослуживцев, а потом весь мир за границами «я»: *Я-то один, а они-то все*.

конфликт усложняется и идеологизируется: уже в подростковом возрасте герой понимает, что между ним и «другими» лежат разные жизненные ценности.

Подростковый возраст не случайно называют трудным и опасным. Для этого периода в жизни человека типичны конфликты с окружающими, стремление к самостоятельности и демонстрация взрослости, негативизм, вызывающее поведение, открытие «я», осознание своей непохожести на других, пробуждение самосознания (отсюда рефлексия, концентрация на собственных чувствах и мыслях, анализ своих эмоций, поведения и моральных качеств, сравнение себя с идеалом, смена ролевых моделей), противоречивость в мотивах поведения, резкие скачки в самооценке (из-за необъективности самоанализа), отстаивание своего права на уникальность и в то же время стремление быть «как все», замкнутость, потребность в уединении и в то же время болезненное переживание одиночества (отсюда стремление к общению со сверстниками и поиск своей референтной группы), повышенная эмоциональность и чувствительность к негативным оценкам... Все это есть в образе Подпольного парадоксалиста в 24 года и в 40 лет, но таким он видит себя уже тогда, в 16 лет, вспоминая *каторжные годы школьной жизни*.

Через несколько лет *по выходе из школы*²⁹ герой попытается компенсировать негативный детский и подростковый опыт. Осознавая, как повлияло на него сиротство (*Была бы у меня семья с детства, не такой бы я был, как теперь; Я вот без семьи вырос; оттого, верно, такой и вышел... бесчувственный*), он «прибивается» к семье своего столоначальника (*Это был единственный мой постоянный знакомый во всю мою жизнь*), чтобы таким образом *обняться с людьми и со всем человечеством*. Он также делает попытку *дешево ужиться* со своими бывшими однокашниками. Но попытки не удались и принесли только новое разочарование.

В истории личности Подпольного парадоксалиста нет завершения. Но намечается

ли, по крайней мере, тенденция? В эпилоге романа «Преступление и наказание», возникшего из того же замысла, что и «Записки...», но построенного в форме третьеличного повествования, слово автора и слово героя, как показывает Е. Ю. Геймбух, находятся в таком соотношении, что читателю открыто то, что герой в себе только обнаруживает, но что уже знает о нем всеведущий автор; поэтому понятно, в каком направлении движется герой, хотя судьба его не завершена [Геймбух 2021]. Парадоксальная жанровая форма «Записок...» препятствует определенности выводов о перспективах Подпольного парадоксалиста.

Выводы. Анализ фрагмента «Записок из подполья» показывает, что организация в нем языкового материала на нарративном, лексическом и синтаксическом уровнях выражает его тесную связь с контекстом произведения и широким контекстом творчества Достоевского. Фрагмент содержит важнейшие черты идиостиля писателя, которые в этом произведении очень точно соответствуют психологии главного героя и образу в целом. Персонаж и идеолог, и субъект речи. Его воспоминания о школьной жизни в сопоставлении с другими фрагментами служат ключом к пониманию истоков характера героя, причин неразрешимого конфликта с окружающими и с самим собой. Непреодоленные кризисы подросткового возраста обусловили сложную структуру личности героя-рассказчика, противоречивые мотивы его поведения и парадоксальную философию. Трагедия «подполья» начинается для героя в подростковом возрасте. В предисловии к роману «Подросток» (1875), 19-летний герой-рассказчик которого, кончив гимназию, тоже намерен *все порвать, начать новую жизнь*³⁰, Ф. М. Достоевский вновь обращается к теме «Записок...»: «Только я один вывел трагизм подполья, состоящий в страдании, в самоказни, в сознании лучшего и в невозможности достичь его и, главное, в ярком убеждении этих несчастных, что и все таковы, а стало быть, не стоит и исправляться!»³¹

²⁹ 40-летний нарратор дает следующую характеристику себе в 24 года: *я был еще совсем мальчишка*. Эти слова отсылают нас к началу анализируемого фрагмента и подчеркивают неустойчивость подростковой психологии.

³⁰ Достоевский Ф. М. Указ. соч. Т. 16. С. 136.

³¹ Там же. С. 329

ЛИТЕРАТУРА

1. Баранов А. Н., Добровольский Д. О., Фатеева Н. А. Идиостиль Ф. М. Достоевского: направления изучения // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2021. Т. 12, № 2. С. 374–389. <http://doi.org/10.22363/2313-2299-2021-12-2-374-389>.
2. Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского. М.: Советский писатель, 1979. 318 с.
3. Геймбукх Е. Ю. Специфика повествовательной структуры эпилога романа Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» (к 200-летию со дня рождения) // Русский язык в школе. 2021. Т. 82, № 6. С. 66–72. <http://doi.org/10.30515/013-6141-2021-82-6-66-72>.
4. Дегтева Я. Н. Герой повести «Записки из подполья» Ф. М. Достоевского как объект чужого взгляда // Известия Саратовского ун-та. Нов. сер. Серия: Филология. Журналистика. 2019. Вып. 3. С. 321–324. <http://doi.org/10.18500/1817-7115-2019-19-3-321-324>.
5. Дилакторская О. Г. Петербургская повесть Достоевского. СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. 348 с.
6. Евлампиев И. И. «Записки из подполья» Ф. Достоевского: «живая жизнь» против «мертвой жизни» // Соловьевские исследования. 2011. Вып. 3(31). С. 25–46.
7. Евлампиев И. И. «Записки из подполья» Ф. Достоевского: неклассическая концепция сознания // Соловьевские исследования. Ивановский государственный энергетический университет. 2011. Вып. 3(31). С. 6–25.
8. Захаров В. Н. Система жанров Достоевского: типология и поэтика. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1985. 209 с.
9. Иванчикова Е. А. Автор в повествовательной структуре исповеди и мемуаров (на материале произведений Ф. М. Достоевского) // Русский язык (приложение к газете «Первое сентября», 13 октября). 2001. № 39. С. 10–11 [Электронный ресурс]. URL: <https://rus.1sept.ru/index.php?year=2001&num=39> (дата обращения: 16.01.2022).
10. Касаткина К. В. О некоторых особенностях психологии «подполья» в «Записках из подполья» Ф. М. Достоевского // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 2014. № 1. С. 164–171.
11. Кондрюкина Н. В. Роман Ф. М. Достоевского «Записки из подполья» в оценке русской критики // Молодой ученый. 2015. № 8(88). С. 1122–1135 [Электронный ресурс]. URL: <https://moluch.ru/archive/88/17092/> (дата обращения: 03.02.2022).

12. Криницын А. Б. Исповедь подпольного человека: к антропологии Ф. М. Достоевского. М.: МАКС Пресс, 2001. 370 с.
13. Михайловский Н. К. Жестокий талант // Михайловский Н. К. Литературно-критические статьи. М.: Гослитиздат, 1957. С. 181–263 [Электронный ресурс]. URL: <http://dostoevskiy-lit.ru/dostoevskiy/kritika/mihajlovskij-zhestokij-talant/mihajlovskij-zhestokij-talant.htm> (дата обращения: 10.01.2022).
14. Никольский С. А. Достоевский и явление «подпольного» человека // Вопросы философии. 2011. № 12. С. 77–87.
15. Рождественская О. Ю. Герой-рассказчик в повести Ф. М. Достоевского «Записки из подполья» // Гуманитарные и социальные науки. 2015. № 1. С. 185–192.
16. Созина Е. К. «Записки из подполья» // Достоевский: сочинения, письма, документы. Словарь-справочник. СПб.: Пушкинский дом, 2008. С. 77–89.
17. Тихомиров Б. Н. «...Я занимаюсь этой тайной, ибо хочу быть человеком»: статьи и эссе о Достоевском. СПб.: Серебряный век, 2012. 500 с.
18. Тюпа В. И. Анализ художественного текста: учеб. пособие для студентов высших учеб. заведений. М.: Академия, 2008. 331 с.
19. Шестов Л. Избранные сочинения. М.: Ренессанс, 1993. 512 с. [Электронный ресурс]. URL: <http://vzms.org/preodolenie.html> (дата обращения: 09.01.2022).

REFERENCES

1. Baranov A. N., Dobrovolsky D. O., Fateeva N. A. Individual style of F. M. Dostoevsky: dimensions of investigation. *Vestnik Rossiiskogo universiteta družby narodov. Seriya: Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika* = *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*. 2021;12(2):374–389. <http://doi.org/10.22363/2313-2299-2021-12-2-374-389>. (In Russ.)
2. Bakhtin M. M. Problems of Dostoevsky's poetics. Moscow: Soviet writer, 1979. 318 p. (In Russ.)
3. Gejmbukh E. Yu. The Specificity of the narrative structure of the epilogue of F. M. Dostoevsky's novel "Crime and Punishment" (to the 200th anniversary of the birth). *Russkij yazyk v shkole* = *Russian language at school*. 2021; 82(6):66–72. <http://doi.org/10.30515/013-6141-2021-82-6-66-72>. (In Russ.)
4. Dyogteva Ya. N. The Hero of the Novel Notes from Underground by F. M. Dostoevsky as the Object of the View of Another. *Izvestiya Saratovskogo un-ta. Nov. ser. Seriya: Filologiya. Zhurnalistika* = *Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism*. 2019;3:321–324. (In Russ.) <http://doi.org/10.18500/1817-7115-2019-19-3-321-324>.

5. *Dilaktorskaya O. G.* Petersburg novel by Dostoevsky. Saint-Petersburg: Dmitry Bulanin, 1999. 348 p. (In Russ.)
6. *Evlampiev I. I.* "Notes from the Underground" by F. Dostoevsky: "alive life" against "dead life". *Solov'evskie issledovaniya = Solovyov Studies*. 2011;3(31):25–46. (In Russ.)
7. *Evlampiev I. I.* "Notes from the Underground" by F. Dostoevsky: non-classical conception of consciousness. *Solov'evskie issledovaniya = Solovyov Studies*. 2011;3(31):6–25. (In Russ.)
8. *Zakharov V. N.* The system of genres of Dostoevsky: typology and poetics. Leningrad: Leningrad University Publ., 1985. 209 p. (In Russ.)
9. *Ivanchikova E. A.* The author in a narrative structure of confessions and memoirs (based on works by Dostoevsky). *Russkii yazyk (prilozhenie k gazete "Per-voe sentyabrya") = Russian Language. Supplement to the newspaper "The First of September"*. 2001;39:10–11 [Electronic resource]. URL: <https://rus.lsept.ru/index.php?year=2001&num=39> (accessed: 16.01.2022). (In Russ.)
10. *Kasatkina K. V.* On some peculiar features of the psychology of the Underground in F. M. Dostoevsky's "Notes from the Underground". *Vest-nik Moskovskogo universiteta. Seriya 9: Filologiya = Moscow State University Bulletin. Series 9. Philology*. 2014;1:164–171. (In Russ.)
11. *Kondrykina N. V.* The novel by Dostoevsky "Notes from the Underground" in the assessment of Russian critics. *Molodoi uchenyi = Young researcher*. 2015;8(88):1122–1135 [Electronic resource]. URL: <https://moluch.ru/archive/88/17092/> (accessed: 03.02.2022). (In Russ.)
12. *Krinit syn A. B.* The confession of an underground man: towards the anthropology of F. M. Dostoevsky. Moscow: MAKSS Press, 2001. 370 p. (In Russ.)
13. *Mikhailovsky N. K.* Literary reviews. Moscow: Goslitizdat, 1957. P. 181–263 [Electronic resource]. URL: <http://dostoevskiy-lit.ru/dostoevskiy/kritika/mihajlovskij-zhestokij-talant/mihajlovskij-zhestokij-talant.htm> (accessed: 10.01.2022). (In Russ.)
14. *Nikolsky S. A.* Dostoevsky and the phenomenon of the "underground" man. *Voprosy filosofii = Philosophy issues*. 2011;12:77–87. (In Russ.)
15. *Rozhdestvenskaya O. Yu.* Character as a narrator in F. Dostoevsky's novella "Notes from the Underground". *Gumanitarnye i sotsialnye nauki = Humanities and Social Sciences*. 2015;1:185–192. (In Russ.)
16. *Sozina E. K.* Dostoevsky: works, letters, documents. Dictionary. Saint-Petersburg: Pushkin House, 2008. P. 77–89. (In Russ.)
17. *Tikhomirov B. N.* "...I solve this mystery since I want to be a human": articles and essays about Dostoevsky. Saint-Petersburg: Silver age, 2012. 500 p. (In Russ.)
18. *Tyupa V. I.* Literary text analysis. Moscow: Academy, 2008. 331 p. (In Russ.)
19. *Shestov L.* Selected works. Moscow: Renaissance, 1993. 512 p. [Electronic resource]. URL: <http://vzms.org/preodolenie.html> (accessed: 09.01.2022). (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Елена Михайловна Виноградова, кандидат филологических наук, доцент

Elena M. Vinogradova, Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor

Статья поступила в редакцию 07.02.2022; одобрена после рецензирования 27.02.2022; принята к публикации 22.03.2022.

The article was submitted 07.02.2022; approved after reviewing 27.02.2022; accepted for publication 22.03.2022.